

М. Н. Шудейко
г. Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СТИЛЯ Э. УОРТОН В МИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ «ОДЕРЖИМЫЙ»

В своем творчестве Эдит Уортон (1862–1937) рассказывала об Америке переходного периода, о крушении старых традиций под натиском новых. Она касалась острой проблемы отчужденного сознания, когда социальные нормы воспринимаются как чуждые и враждебные, что сопровождается возникновением чувства одиночества и бессмысленности жизни. Несмотря на тот факт, что Э. Уортон является признанным мастером реалистического направления, ее творческое наследие также включает мистические произведения, имеющие свой неповторимый стиль. В них автор уходит от реального мира в мир фантазий, добиваясь с помощью иносказаний большего резонанса, чем с помощью прямолинейного «обнажения». Нашей целью является выявление лингвостилистических средств, определяющих стилевые особенности мистического рассказа Э. Уортон «Одержимый» (*Bewitched*, 1926) и использованных автором для создания зловещей и таинственной атмосферы в произведении.

Действие рассказа «Одержимый» происходит в небольшом городке где-то в глуши Новой Англии. Жена одного из обитателей города, миссис Ратлидж, созывает в своем доме трех почитаемых горожан, чтобы сообщить им таинственную новость – ее мужа, Сола Ратлиджа, преследует призрак его бывшей возлюбленной Оры Брэнд, покойной дочери одного из собравшихся. Миссис Ратлидж требует совместных усилий, чтобы избавиться от привидения, дабы вернуть мужа к обычной жизни. По пути из дома Ратлиджей мистер Брэнд, дьякон Гиббен и фермер Босуорт замечают на снегу следы

босых ног, ведущие к той самой хижине, где, по словам Сола, происходят его встречи с призраком Оры. Мужчины решают проверить хижину, и в нетерпении и возбуждении мистер Брэнд стреляет из своего револьвера в то, что, по его мнению, является призраком. Через несколько дней умирает от пневмонии сестра Оры, младшая дочь мистера Брэнда Ванесса, после чего посвященные горожане решают, что призрак покинул этот мир, поскольку теперь не одинок, но воссоединился с сестрой. И жизнь в городке продолжает идти своим чередом, будто ничего не произошло.

Одним из наиболее заметных приемов, использованных Э. Уортон для создания таинственной атмосферы, является введение в повествование «говорящих» топонимов. Так, название округа, в котором находится городок, – *Hemlock County*. Данное название связано с болиголовом, использовавшимся в качестве яда еще в Древней Греции, и подразумевает, что существование жителей округа «отравлено» появлением призрака. *Lamer Pond*, на берегу которого стоит та самая хижина, куда является дух Оры, – пристанище беспомощных и одиноких, или даже неспособных покинуть земную жизнь раз и навсегда. Дом семьи Ратлидж носит название *Lonetop*, что подчеркивает его изолированность и неприветливость к гостям, не раз упоминающиеся в рассказе. Кладбище *Cold Corners* является местом упокоения хладных тел умерших.

Кроме названий мест, Уортон также использует «говорящие» имена, являющиеся одним из способов характеристики персонажей. Так, миссис Ратлидж носит имя *Prudence*, то есть ‘расчетливость’, ‘предусмотрительность’, что объясняет ее желание избавиться от какой-либо связи с потусторонним миром или же от потенциальной перспективы быть женой городского сумасшедшего. Имя же одержимого призраком мистера Ратлиджа – *Saul* – совпадает с именем первого царя народа Израиля, весьма склонного к меланхолии, «балансирующего на грани помешательства и временами преходящего её» [1, с. 65–66]. Для более полного раскрытия персонажа мистера Брэнда, отца обеих покойных девушек, немаловажно его имя *Sylvester* (от лат. *silva* ‘лес’) и название его дома *Bearcliff*, что создает впечатление «лесного», нецивилизованного человека, склонного к агрессии и необузданности. Фамилия его семьи также важна, так как *brand* может ассоциироваться с клеймом семейного проклятья: «*They don't ever make old bones on the mother's side of the family...*» [2, p. 158].

Значимую роль в создании таинственной атмосферы играют погода и время суток. Так, действие в рассказе происходит зимой, связанной с окончанием жизни и смертью, что иллюстрируют такие описания погоды, как *in the dead of winter, the biting outer air, a stinging wind barbed with ice flakes, as if a winding sheet were descending from the sky to envelop them all in a common grave*. Время суток в рассказе перетекает из предзакатного в сумерки: *he saw the evening star, like a white boat in a sea of green; the green sunset was spreading upward into the crystal sky; pine trunks purpled by the sunset; the sunset, suddenly flushing through the trees, crimsoned his face like*

blood; twilight already lay under the trees, though day lingered in the open. Этот отрезок дня также ассоциируется с угасанием и смертью. Не менее важна цветовая гамма, при помощи которой Уортон описывает закат. Так, белый цвет, символизирующий память предков, появляется в море зеленого, часто описываемого как обозначающий разложение и смерть. Деревья окрашены закатом в фиолетовый цвет, ассоциирующийся с проявлением потусторонних сил. Красный же цвет, осветивший лицо стрелявшего Брэнда, предвещает трагедию [3].

Уортон прибегает к описанию чувств и эмоций персонажей посредством передачи физических ощущений. Например, в рассказе неоднократно отмечается, что персонажи чувствуют леденящий холод – *felt an icy chill down his spine* или дрожь во всем теле – *body was trembling all over*. Такие ощущения испытывают люди, которыми овладел страх, часто перед неизвестным или необъяснимым. Интересным является сравнение ощущений с состоянием сна: «*Orrin Bosworth listened with a sense of suffocation; he felt as if he were wrestling with long-armed horrors in a dream*» [2, p. 145]. Автор описывает физическое удушье, связанное с происходящим во сне противостоянием, в котором спящему часто не представляется возможным одержать победу. Следующий пример хорошо иллюстрирует чувство свободы в грудной клетке, когда с нее в буквальном смысле снят груз, при этом упоминается нечто черное и сторбленное – характеристики, приписываемые смерти во плоти: «*That's so,*’ said Bosworth, with an explosion of relief, as if the words had lifted something black and crouching from his breast» [2, с. 153]. Также Уортон сравнивает одиночество с червем, копошащимся в мозгу разлагающегося тела, что приводит к его разрушению: «*It's a worm in the brain, solitude is*» [2, с. 154]. Подобные сравнения помогают читателю более ярко пережить опыт персонажей.

Особым символическим значением Уортон наделяет глаза, которые, как известно, являются зеркалом души. При помощи описания глаз и взглядов персонажей автор не только передает сиюминутные ощущения, но и наделяет их определенными чертами характера. Так, в тексте можно найти следующие примеры: *a glitter of curiosity in his eyes, her eyes began to glitter* (любопытство, нетерпение), *blinking peering eyes* (изучение окружающих), *listless eyes, a glance of freezing indifference* (безразличие), *empty pellucid gaze, curiously clear, unseeing gaze* (отсутствие эмоций). Что касается характерных черт персонажей, то так, например, автор описывает глаза холодной и расчетливой Пруденс Ратлидж: «*her rather prominent eyes looked like the sightless orbs of a marble statue*» [2, p. 144], «*her lowered lids reminded him again of marble eyeballs*» [2, p. 158]. Глаза же дьякона Гиббена пылают огнем, как и его горячая вера и негодование по поводу видений Сола Ратлиджа: «*the Deacon's eyes burned in the whiteness like live embers among ashes*» [2, p. 145], «*the Deacon's little screwed-up eyes seemed to give out red sparks*» [2, p. 146].

Описание внешности героев в рассказе не ограничивается характеристикой их глаз и взгляда, их внешний вид в целом также имеет характерологическую функцию. Так, в первую встречу с миссис Ратлидж в их

семейном доме персонажи так видят хозяйку: «*She was dressed for the occasion in a black calico with white spots, a collar of crochet-lace fastened by a gold brooch, and a gray woollen shawl crossed under her arms and tied at the back. [...] Her dark hair, parted above this prominence, passed tight and fiat over the tips of her ears into a small braided coil at the nape; and her contracted head looked still narrower from being perched on a long hollow neck with cord-like throat-muscles. Her eyes were of a pale cold gray, her complexion was an even white. Her age might have been anywhere from thirty-five to sixty*» [2, p. 142–143]. Мы видим женщину неопределенного возраста и неброской внешности, что подчеркивает отсутствие индивидуальности персонажа, собирательность образа этой женщины как типичной представительницы пуританского американского общества XIX века. Одежда ее выдержана в черно-серо-белой гамме, что дает основания охарактеризовать ее как человека, отгородившегося от внешнего мира, отчужденного и близкого к духовной смерти.

Внешность Сола Ратлиджа как таковая не приводится в рассказе, однако пристальное внимание уделяется аура увядания и безысходности, исходящей от него: «*Bosworth's first thought was that he looked like a drowned man fished out from under the ice – "self-drowned," he added*» [2, p. 146]; «*Saul Rutledge stood before them, like a prisoner at the bar, or rather like a sick man before the physicians who were to heal him [...] Bosworth scrutinized that hollow face, so wan under the dark sunburn, so sucked inward and consumed by some hidden fever*» [2, p. 147]. Сол, которого преследует и изводит призрак умершей возлюбленной, выглядит больным или даже находящимся на грани жизни и смерти. Уортон также ярко описывает Сильвестра Брэнда, отца покойных девушек. Мы уже обратили внимание на символизм его имени, еще глубже раскрывающийся на фоне его внешности: «*there was something animal and primitive about him, Bosworth thought, as he hung thus, lowering and dumb, a little foam beading the corners of that heavy purplish underlip*» [2, p. 147]. Животная природа его взрывного характера отчетливо видна в описании пены у рта, как у хищника после долгой погони за добычей.

Поведение и речь персонажей делают образы, созданные Уортоном, еще более объемными. Сильвестр Брэнд нередко проявляет несдержанность своего характера на протяжении всей беседы в доме Ратлиджей: «*The man staggered to his feet with an explosion of inarticulate sounds [...] Sylvester Brand's chair fell backward with a crash. He was on his feet again, crimson and cursing*» [2, p. 144]. Нервозность дьякона выражается в таких описаниях, как «*The Deacon laid his quivering finger-tips together, and moistened his lips*» [2, p. 148]. Речь Сола, измотанного появлениями призрака, звучит бесцветно и даже неестественно, что подчеркивает его болезненное состояние: «*He spoke in a low automatic tone, as if some invisible agent were dictating his words, or even uttering them for him*» [2, с. 149]. Каменное спокойствие миссис Ратлидж не проходит испытания недоверием со стороны гостей: «*Mrs. Rutledge almost screamed. [...] suddenly the wife burst out*» [2, с. 150–151]. Она

слишком сильно не желает быть связанной с чем-либо из ряда вон выходящим и уж тем более потусторонним, нарушающим ее традиционный уклад жизни.

Огромное значение в создании потусторонней атмосферы играют упоминания мертвецов и призраков. Рассказ изобилует такими примерами, как *like one risen from the dead, the dead woman, the spectre of that poor girl, those spectral foot-prints, the feet of the dead*, и так далее. Кроме того, таинственность происходящего усиливают характеристики *mournful solitary air, haunted, the scene with its deep fringe of mystery, secrecy and rumour, mysterious visitations, dark mystery* и прочие. Выбор подобных выражений помогает Уортон глубоко погрузить читателя в мрачную действительность рассказа.

Проанализировав рассказ «Одержимый», мы выделили следующие особенности авторского стиля Эдит Уортон в жанре мистической прозы: использование «говорящих» топонимов и имен собственных, символическое значение окружающей среды и времени действия, описание эмоций персонажей через физические ощущения, различные способы характеристики персонажей (прямые и косвенные), употребление мрачно окрашенной мистической лексики. Данные приемы помогают автору психологизировать жанр «рассказа с привидением», а также проанализировать закрытость и традиционность американского пуританского общества конца XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон ; пер. И. Л. Зотова. – М. : Вече, 2003. – 669 с.
2. Wharton, E. Bewitched / E. Wharton // The Ghost Stories of Edith Wharton / ed. D. S. Davies. – Ware : Wordsworth Editions, 2009. – P. 141–159.
3. Dictionary of Symbols and Imagery / ed. A. de Vries. – Amsterdam ; London : North-Holland Publishing Company, 1984. – 516 p.